

Райтер и ИНКВИЗИТОР

Авиэль Крутински

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Авиэль Крутински

Райтер и инквизитор

<https://litres.ru/74135658>

SelfPub; 2026

Аннотация

Подмосковье, 2026 год. Провластный журналист Илья Богданов оказывается в камере КАЗ Одинцовского ОВД, даже не подозревая, что его арест станет началом тектонического сдвига реальности. Его сокамерником оказывается загадочный Старик — Предок, явившийся разрушить «Вавилонский синдикат смыслов». Пока следователь Синельников пытается вести допрос, в изоляторе разворачивается величайшая теологическая лекция.

Вокруг ОВД начинается гражданское проруждение. Вспыхивает гротескное слияние эпох и идеологий.

Обвешанный оружием чеченец у черного Брабуса защищает маленького иудейского мальчика, коммунист с маузером стоит плечом к плечу с украинскими диверсантами, а вечернее небо превращается в зону инопланетного шоу.

Су-57 вступают в бой со сферой НЛЮ, подмосковный лес содрогается от тактического ядерного взрыва.

«Райтер и инквизитор» — это 13 глав яростного постмодернистского драйва, где злая медийная сатира сталкивается с масштабным фантастическим экшеном и глубоким экзистенциальным фарсом.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Авиэль Крутински

Райтер и инквизитор

Глава

РАЙТЕР И ИНКВИЗИТОР

Автор — Авиэль Крутински

04.07.2026

ЭПИГРАФЫ

"Одно я скажу правдиво: я буду писать лживо. Это моё признание должно, по-моему, снять с меня обвинение, тяготеющее над другими, раз я сам признаю, что ни о чём не буду говорить правду. Итак, я буду писать о том, чего не видел, не испытал и ни от кого не слышал, к тому же о том, чего не только на деле нет, но и быть не может" — Лукиан Самосатский, «Правдивая история».

"— Помилуйте, — снисходительно усмехнувшись, отозвался профессор, — уж кто-кто, а вы-то должны знать, что

ровно ничего из того, что написано в евангелиях, не происходило на самом деле никогда, и если мы начнем ссылаться на евангелия как на исторический источник... — он еще раз усмехнулся, и Берлиоз осекся, потому что буквально то же самое он говорил Бездомному, идя с тем по Бронной к Патриаршим прудам" — Михаил Афанасьевич Булгаков, «Мастер и Маргарита».

Вот так же, дорогой читатель, и в случае со всей нижеследующей моей писаниной. Ровно ничего из того, что изложено в данном произведении не происходило на самом деле никогда, и если оскорблённые чувства верующих, патриотов, сексуальных, национальных, или иных меньшинств, а может и большинства, или даже самих власть предержащих, сподвигнут их критиковать автора, как человека пишущего лживо, о том, чего не видел, не испытал и ни от кого не слышал, к тому же о том, чего не только на деле нет, но и быть не может, то автор и спорить с ними не станет, т.к. он сам открыто с первых же строк заявляет, что всё дальнейшее есть не более чем игра воображения – фантастика и беллетристика чистой воды.

«Глупо искать здесь следы антирусского заговора. Антирусский заговор, безусловно, существует — проблема толь-

ко в том, что в нем участвует все взрослое население России. Так что "Пепси-кола" здесь совершенно ни при чем» — Виктор Олегович Пелевин, «Generation "П"».

Автор произведения также заявляет, что любые бренды, торговые марки, названия компаний и их продуктов, государственных и прочих юридических лиц здесь совершенно ни при чём, и упоминаются в произведении, так сказать, сугубо для психо-иллюстрационного эффекта, как описательные детали окружающего мира, естественно, как и положено в фантастическом произведении — вымышленного — некоей параллельной реальности, в совершенно другой далекой галактике, которая просто как капля воды походит на нашу. Ну, а уж судить строго за то, что происходит в вымышленной фантастом параллельной реальности — это, сами понимаете...

Да и вообще: «Рукописи не горят, они бэдами покрываются» — поговорка эпохи зари интернета конца 20-ого – начала 21-ого веков...

Собственно, оригинал этого произведения канул в небытие на предательски сгоревшем ССД, а читателю представляется воссозданный заново по памяти вариант, и, соответ-

ственно, автор никак не может нести ответственности за то, вспомнил ли он в точности все детали, а, в совокупности с тем, что редактировавший и помогавший оформить текст ИИ помощник мог ещё и от себя наврать с три короба, обмазывая литературные обороты всякими лингвистическими пируэтами для красного словца, достоверности не ждите – не ждите... Да и если где у кого какие метафоры и лингвистические приемы передрал, так это не я, а всё он – окаянный!

Так вот, стало быть, где-то там, вовсе не в этом, а не пойми в каком параллельном мире, лишь немного напоминающем наш, дело было, если не изменяет память, так...

Глава 1. Газонный перформанс

В час небывалого весеннего обострения, когда неоновые вывески столичных моллов казались блеклыми отпысками настоящего солнца, в Мещерском парке, что раскинулся на респектабельной западной окраине Москвы, случилось событие, оставшееся незамеченным для ПВО, но фатальное для одного отдельного рассудка.

Илья, рядовой политический обозреватель холдинга «Ме-

диа-FrontEra», сидел на дизайнерской скамье из лиственницы, стоившей городскому бюджету как неплохой подержанный автомобиль. В руках он сжимал титановый айфон, экран которого исходил ядовитым сиянием открытого диалогового окна. Главный редактор, Савва Альбертович — человек с манерами дореволюционного антрепренера и хваткой чекиста девяностых — выставил жесткий дедлайн. Требовался монументальный, бьющий набат ура-патриотизма лонгрид. Текст должен был пахнуть порохом побед, нерушимой стабильностью суверенного СВОПа и лучиться цифрами беспрецедентного роста ВВП, который, вопреки законам физики и логики, упрямо полз вверх на бумаге министерских отчетов.

Пропаганда холдинга «Медиа-FrontEra» строилась на простом неписанном, но всем сотрудникам понятном законе: если ты не можешь объяснить людям, почему в их выгребной яме нет дна, объяви это дно стратегическим резервом и сакральной границей государственного суверенитета. Обыватель с удовольствием заглывал эту наживку — ведь признать себя обманутым терпилой больно, а признать себя участником тайного, великого и мудрого геополитического заговора — престижно, патриотично и, главное, абсолютно бесплатно.

Поэтому вторым пунктом программы значилось экс-

ключивное интервью с Валерием Николаевичем, зампре-
дом ключевого ведомства, курирующего импортозамещение
смыслов. Но Валерий Николаевич на randevу в парковой зо-
не не явился. Десять минут назад его личный помощник
томным голосом сообщил, что шеф «находится на закры-
том стратегическом совещании», что на профессиональном
сленге Ильи означало глухой, беспробудный запой в компа-
нии трех элитных эскортниц со следами тяжелого улучше-
ния лиц на подмосковной даче.

Илья поднял глаза от экрана и поморщился. Вокруг него
кипела жизнь сытой, гламурно-безликой метрополии, в ко-
торой новость живёт меньше, чем обезжиренный йогурт без
консервантов. Правда, даже при таком коротком сроке год-
ности, вовремя проданная новость имеет шанс перевернуть
три геополитических вектора и списать пару миллиардов го-
сударственного долга. Вот в этом-то и была вся проблема,
что если товар был уже с истекающим сроком годности, то в
любой момент угрожал превратиться в компромат на самого
автора. Но обыватели метрополии были абсолютно безраз-
личны к подобным жизненным сложностям, философство-
вание о которых терзало сугубо журналистские умы.

По идеальным дорожкам, шурша дорогими кроссовками,
трусцой бежали существа неопределенного пола и возрас-

та. Это была местная элита и их обслуга — татуированные, пахнущие селективным парфюмом нимфы капиталистического заката и молодые люди с лицами породистых, но абсолютно безмозглых хомяков, чья ментальная деятельность ограничивалась мониторингом криптокошельков и выбором матчи на кокосовом молоке. В их глазах застыла откормленная, безвольная пустота. Они напоминали биомассу, бережно упакованную в бренд-бук столичного урбанизма.

И в этот самый миг стерильную тишину весеннего неба прорезал странный, ни на что привычное не похожий звук. Это было неторопливое, наглое, но очень громкое газонокосилочное жужжание.

Илья Богданов принадлежал к той прослойке столичной интеллигенции, которая искренне верила, что если тщательно подбирать синонимы к слову «катастрофа», то сама катастрофа постесняется войти в комнату без предварительного звонка в пресс-службу.

Но Илья все-таки закинул голову. Над верхушками вековых сосен Мещерского парка, аккуратно со стороны элитных особняков закрытых поселков Одинцовского района, шел низко — метров сорок, не больше — угловатый, выкрашенный в грязно-серый цвет дрон-камикадзе. На его крыльях

отчетливо читалась очень чужая маркировка. Он шел безмятежно, прямолинейно, словно совершал прогулочный полет над покоренной территорией, держа курс на восток — туда, где на горизонте угадывались исполинские факелы и резервуары Московского нефтеперерабатывающего завода в Капотне. Позади него оставался едва заметный шлейф дешевого сгоревшего керосина.

Автоматизированные системы ПВО молчали, подавленные то ли собственной бумажной безупречностью, то ли коррупционным оцепенением. Гуляющие внизу «хомяки» даже не подняли голов — их уши были надежно заткнуты беспроводными наушниками, транслирующими курсы личностного роста.

Илья замер. В его мозгу произошло мгновенное, тектоническое замыкание. Проектируемый текст в его телефоне, повествующий о «росте», «стабильности», «непробиваемом куполе безопасности» и «железной поступи империи», наложился на реальный силуэт фанерного убийцы, летящего взрывать стратегическое топливо страны под равнодушное асфальтное шарканье быути-блогеров.

Внутри журналиста включился яростный, неостановимый монолог, который он, сам того не замечая, начал бормотать

вслух, брызжа слюной на полированную лиственницу:

— Бл@дь... Господи! Ведь нормальный, честный текст надо начинать именно с этого слова: «БЛ@ДЬ»! Капслоком. На первую полосу. А дальше продолжать: «Граждане, нас наеб@ли! Да за такую *у#ню над головами в столичном районе, надо расстрелять за измену Родине все до единого государственное руководство, вместе с министерством обороны и всей олигархией, которой они прислуживают! Из ста сорока миллионов человек круглых, законченных дураков делают, пока карманные генералы пилят бюджеты на лазерные пушки, которых нет!»

Брызжа слюной, он тяжело дышал, чувствуя, как внутри него рушится профессиональная стена цинизма, выстраиваемая годами работы на лояльную пропаганду.

Илья опустил взгляд на газон, находившийся в пяти метрах от скамьи, и его сердце пропустило удар.

Там, прямо на сочной, ухоженной траве, сидел нищий.

В этом не было бы ничего удивительного для вокзала, но для самой чистенькой зоны Мещерского парка это было странноватым. Но пугало другое: Илья смотрел на этот квадрат газона секунду назад. Там никого не было. Нищий

не пришел, не приполз, не спустился с неба. Он просто... появился... Проявился, что ли, из воздуха, словно пиксели на экране старого монитора обрели плотность.

На нем был какой-то странный серый, ветхий, будто покрытый вековой пылью дорожный плащ, из-под которого виднелись сбитые, наспех перевязанные бечевкой современные сандалии. Его борода, клочковатая и седая, казалось, помнила разрушение Карфагена и строительство Вавилона. Но самым страшным были его глаза. В них не было привычной для московских бродяг просящей трусости или пьяного безумия. Это были глаза абсолютного, невыносимого сознания. Две бездонные точки колоссальной, ледяной и одновременно обжигающей плотности.

Нищий сидел на траве, скрестив ноги, и смотрел прямо на Илью. Спокойно. В упор. Так, словно отчётливо слышал и внимательно слушал каждое слово его полу-внутреннего, полу-матерного монолога.

В этот момент из-за поворота каштановой аллеи показался наряд полиции — двое рослых, упитанных сержантов в тактических бронежилетах «Монолит», с дубинками и кобурами на лоснящихся ремнях. Их лица выражали ту степень административного превосходства, которая дается только сытым пайком и полным отсутствием рефлексии.

Заметив непорядок на вверенном газоне, на котором, собственно, и сидеть-то не особо запрещалось, сержанты синхронно переглянулись и ускорили шаг. Нарушитель капиталистической гармонии, не вписывающийся в дизайн-код Москвы, должен был быть... Должен был быть... Согнан? Задержан?... В глазах стражей правопорядка пока не вспыхнула однозначная искра ясности по данному вопросу. Но должен был быть однозначно попячен, а как именно, уже выяснится в процессе разбирательства.

— Эй, уважаемый! — гаркнул тот, что шел чуть впереди, на ходу расстегивая хлястик дубинки. — Чего портим городской газон? Документики. Кто такой? Откуда взялся?... Молчим?... Пакуем...

Нищий даже после слова «пакуем» не шелохнулся. Он продолжал смотреть на Илью, и в этом взгляде читалось легкое, почти сочувственное любопытство старшего к младшему.

В голове Ильи что-то окончательно лопнуло. Годы конформизма, вранья за гонорары, созерцание беспилотника и этот внезапный, мистический старик соединились в критическую массу... В нем проснулся не просто журналист — в нем проснулся человек, доведенный до крайней точки экзи-

стенциального бешенства.

Вместо того, чтобы отойти в сторону, Илья резко ткнул пальцами в смартфон, активировал камеру, рванул из левого кармана, одновременно включая, диктофон и, подлетев к наряду полиции почти вплотную, сунул с двух рук по-македонски им диктофон и светящийся видеозаписью экран прямо в откормленные, удивленные физиономии.

— Какого х#ра вы делаете?! — заорал Илья, сорвав голос на сильный фальцет. — За что вы его крутите?! Вы куда смотрите, слуги государевы?! Вон, посмотрите наверх, пи&дец какой настоящий в небе летит! Дрон боевой над вашими головами прошел, через пять минут пол-Москвы без бензина останется! А эти пид@р@сы во власти даже воздушную тревогу в городе не включают, чтобы стадо не пугать! Вот кого крутить надо! Вот кого сажать за измену и вредительство! А вы до старика дое@ались?!

Сержанты замерли на долю секунды. В их глазах отразился сложный мыслительный процесс, явно перегрузивший одноядерную систему: перед ними стоял прилично одетый гражданин, с аккредитацией, который нес страшную, табуированную, государственно опасную крамолу, фиксируя собственный позор на камеру.

— Гражданин, прекращаем противоправные действия, — глухо, свирепея от осознания ситуации, произнес старший наряда. — Смартфон убрал! Ты на кого орешь?! Ты чё тут устраиваешь?! Дискредитация органов власти, Вооруженных сил РФ и сотрудников при исполнении. Захват производим!

В следующую секунду мир для Ильи перевернулся. И не только в метафорическом смысле... Сильный удар под колено заставил его рухнуть на ухоженную траву парка. Айфон отлетел в сторону, продолжая записывать шорох весенней листвы. Его руки жестко заломили за спину, металл наручников въелся в запястья, а тяжелое колено сержанта придавило его шею к земле.

Рядом, так же грубо и бесцеремонно, второй полицейский навалился на безмолвного нищего, скручивая его старые, но крепкие руки.

Илья успел заметить: старик даже не поморщился. Он позволил себя связать с кротким, но величественным безразличием океана, в который бросили ржавый якорь.

Глава 2. Логистика Левиафана

Старший сержант Пахомов, чьё колено так удачно зафиксировало шею журналиста Ильи на брендовой парковой траве, в этот момент не думал ни о геополитике, ни о летающих над головой дронах. В его голове, устроенной по принципу строгого двухканального реле, происходил сложнейший расчет траектории собственной жизни.

Пахомову было тридцать два года. Дома, в Новой Москве, в бетонной сотовой ячейке, купленной под грабительский процент «военной ипотеки», его ждала располневшая от дешевых углеводов жена, перманентно требующая ремонта совмещенного санузла, и двое детей, чьё существование полностью обеспечивалось кредитной картой «Альфа-Банка». Каждое утро Пахомов просыпался с ощущением, что Левиафан государственного долга медленно пережевывает его кости. Но сегодня, кажется, фортуна повернулась к нему не тыловой своей частью.

В ментальном поле Пахомова мгновенно созрела спасительная мысль, пахнувшая внеочередным званием и, чем черт не шутит, переводом в Центр «Э» или ФСБ.

«Группа лиц по предварительному сговору», — запели в его душе ангелы ведомственной отчетности. Это был не

просто пьяный дебош. Это была чистая, эталонная, грантовая провокация. Сценарий читал как по нотам: один — специально наряженный под святого старца профессиональный театральный агент — садится на газон, привлекая внимание и провоцируя наряд на законные действия. Второй — этот самый Илья, с рожей типичного столичного интеллигента, не державшего в руках ничего тяжелее рафа на миндальном — фиксирует «зверства режима» на камеру американского телефона, параллельно выкрикивая лозунги, подрывающие обороноспособность великой державы. Да тут не просто «дискредитация». Тут пахнет террористическим сообществом и шпионажем в пользу сопредельного государства. За такое раскрытие начальство УВД Одинцово не просто премию выпишет — оно долги по кредиту за корейский седан спишет в утиль одним росчерком пера.

— Вяжи его плотнее, Соловей! — тяжело дыша, scomандовал Пахомов младшему сержанту, который в этот момент пытался согнуть суставы нищего. — Смотри, сука, как подготовились. Камеру на штативе, небось, в кустах еще одну спрятали. Иноагенты х@ровы. Вы у меня сейчас оба заскачете.

Илья, чьё лицо было размазано по смеси сырой травы с черноземом, сквозь хрип и кашель пытался воззвать к остаткам человеческого в этих синих мундирах:

— Вы!... вы кого вяжете, идиоты?!.. Там дрон!... Дрон пошел на нефтебазу!... У вас под носом!...

— Заткнись, гнида пиндосовская, — ласково шепнул Пахомов, увеличивая давление на шейные позвонки. — Про дрон тебе в конторе объяснят. Специально небось навели, чтобы картинку для западных каналов сделать. «Прилет на фоне репрессий». Плавали, знаем...

Нищий, которого сержант Соловьев с натужным сопением наконец поднял с земли, стоял абсолютно прямо. Его плащ, испачканный грязью, теперь казался не лохмотьями, а судной порфирой древнего царя, временно согласившегося на обыск. Соловьев, обыскивая карманы старика, с удивлением для себя обнаружил, что они абсолютно пусты. Там не было ни паспорта, ни мелочи, ни засаленной социальной карты, ни даже мобильного телефона — обязательного атрибута любого современного бомжа. Ничего. Только пустота, от которой по пальцам сержанта вдруг пробежал странный, леденящий электрический ток. Соловьев даже отдернул руку, испуганно посмотрев на задержанного, но тут же вернул лицу выражение сурового служебного дебилизма.

Через пять минут Илью и нищего, грубо подталкивая дубинками в поясницу, выволокли к техническому выезду из

парка, где уже урчал дизельным мотором серый куб автозака на базе «Газели».

Это транспортное средство было вершиной отечественной инженерной мысли эпохи развитого неофеодализма. Внутри него пахло так, словно там одновременно перевозили тухлую капусту, старые берцы и нереализованные надежды человечества. Пол был покрыт рифленным железом, стены — глухой пластик, за которым скрывались узкие, похожие на гробы одиночные стаканы-пеналы и общая камера, куда и швырнули наших героев.

Дверь захлопнулась с глухим, окончательным железным стуком, отрезав звуки весеннего парка, пение птиц и шелест протекторов дорогих кроссовок столичных бегунов. Внутри воцарился полумрак, разбавляемый лишь грязным светом из крошечного окошка, забранного густой стальной решеткой.

Машина тронулась, подпрыгивая на лежачих полицейских элитного поселка. Илью швырнуло на железную лавку. Он начал ощупывать сильно помятое лицо, чувствуя на нижней губе привкус соленой крови. Всё его существо горело от унижения и ярости. Он, провластный журналист, чьи тексты — пусть и лживые — читали в высоких кабинетах, сейчас сидел в клетке на колесах просто за то, что у него на секунду включились глаза.

Он повернул голову и посмотрел на своего попутчика.

Нищий сидел напротив него на узкой скамье. В этой трясущейся, прыгающей на колдобинах железной коробке он умудрялся сохранять такую неподвижность, словно восседал на гранитном троне в центре мироздания. Автозак изредка швыряло, когда колеса влетали в дорожные выбоины — те самые выбоины, на ремонт которых администрация района ежегодно списывала три бюджета небольшого европейского города, — но старик даже не качался. Его седая борода покоилась на груди, а глаза, светившиеся в полумраке мягким, но парадоксально глубоким светом, были устремлены на Илью.

— Ну что, пророк Илья, вступившийся за меня — вдруг произнес нищий. Его голос прозвучал странно. Это не был дребезжащий голос старика. Он шел словно отовсюду сразу — от железных стен автозака, от гула дизельного мотора, от капель крови на полу. Это был чистый, глубокий баритон, лишенный каких-либо признаков возраста или усталости. — Вот ты и дописал свою главную статью...

Илья вздрогнул. Откуда этот бродяга мог знать его имя? И почему от его голоса внутри тюремного фургона вдруг исчез душливый запах ментовского пота, сменившись едва уловимым ароматом озона, какой бывает в горах перед самой

страшной грозой?

— Ты... ты кто такой? — прохрипел Илья, вытирая рукавом кровь с подбородка. — Откуда ты знаешь, как меня зовут? И что это за фокусы с появлением на газоне?

Старик слегка улыбнулся. В этой улыбке не было издевки — только безграничная скорбь родителя, смотрящего на неразумное, избитое дитя.

— Уверяю тебя, твое имя записано там, где его не смогут стереть никакие редакторы, Илья. А насчет появления... Я никуда не приходил, чтобы появляться. Это вы все так долго закрывали глаза, уткнувшись в свои светящиеся игрушки, что перестали видеть то, что находится перед вами. Я просто позволил тебе заметить Меня. Но система, в которой вы живете, не терпит ничего настоящего. Настоящее нарушает их отчетность.

Автозак резко затормозил, взвизгнув изношенными тормозными колодками. Снаружи послышался мат Пахомова, скрежет открываемых железных ворот и лай лабрадора, которого держали исключительно для солидности и списания бюджетного корма.

Машина въехала во внутренний двор УВД. Впереди их

ждала дежурная часть — святая святых районного беззакония, где под выцветшими плакатами «О противодействии коррупции» порой вершился, будничным, тривиальный и абсолютно безнаказанный бизнес по торговле человеческими судьбами.

Глава 3. Невидимый стеклянный потолок

Илья тряхнул головой. В ушах выл протяжный, тонкий ультразвук, а к горлу подкатывала тошнота — верные признаки того, что тактический ботинок сержанта Пахомова оставил на его левом виске не только багровый кровоподтек, но и легкое сотрясение мозга.

«Стоп. Какое "записано там, где не могут стереть"? Какое "позволил заметить"?» — Илья судорожно цеплялся остатками рации за ускользящую реальность, как тонущий за скользкое бревно. Логика мирского человека, воспитанного на научно-популярных пабликах и циничных медиа-технологиях, судорожно выстраивала баррикады психической безопасности.

Он опустил взгляд на свою грудь. Ну конечно. Из-под расстегнутой, испачканной в парковой грязи куртки наружу вывалился пластиковый прямоугольник на брендиро-

ванной ленте — аккредитационный бэдж холдинга «Медиа-FrontEra». На нем крупными буквами было отпечатано: ИЛЬЯ БОГДАНОВ. Специальный корреспондент. Старик просто скользнул по нему взглядом в полумраке, пока Пахомов трамбовал их в железную утробу автозака. Обычная зоркость бродяги, привыкшего выживать на улице и подмечать детали.

А запах озона? Глубокий, вибрирующий голос, шедший будто из стен? Чистая физиология. При черепно-мозговой травме и не такие фокусы с обонятельными и слуховыми рецепторами случаются. Вон, у дяди Коли после инсульта вообще полгода пахло жареным луком везде, даже в операционной. Психика просто компенсирует шок, заворачивая банальный ментовский беспредел в мистическую обертку. Фигня всё, пройдёт...

Илья с облегчением выдохнул, мысленно вернув себя в привычную, пусть и уродливую, матрицу. Чудес не бывает. Бывает только плохой асфальт, хорошая ПВО, которой не оказалось на месте, и два дуболома в погонах, шьющих им уголовку.

Створки ворот автозака распахнулись с грохотом, ослепив Илью мертвенным, желтушным светом двора УВД Одинцово.

— На выход, шпионы! — зычно скомандовал Соловьев, дергая Илью за шиворот.

Илья поплелся по треснувшему асфальту внутреннего двора, мимо припаркованных ведомственных легковушек, купленных, судя по номерам и тюнингу, явно не на скромную зарплату борцов с экстремизмом. Здесь, во внутреннем дворе Левиафана, декорации Мещерского парка окончательно осыпались. Никакого ландшафтного дизайна. Вокруг высились глухие серые стены, обвешанные гроздьями камер китайского производства. Системе «Безопасный город» было глубоко плевать на летящие украинские беспилотники — её объективы были заточены под то, чтобы вычислять в толпе студентов с неправильными значками или отслеживать курьеров, не донесших долю до районной управы.

Илья горько усмехнулся. Ему ли не знать, как устроена эта изнанка. Вся свою сознательную жизнь он провел в роли «литературного негра» при дворе этой системы. Он не был звездным пропагандистом из телевизора, который с холемым лицом исходит пеной в вечерних эфирах, получая за это квартиры на Остоженке и ордена за заслуги перед Отечеством. Илья был тем, кто чистил за этими звездами авгиевы конюшни смыслов.

Он был тем самым невидимым чернорабочим, который за шестьдесят тысяч рублей в месяц и вечные обещания «повышения в следующем квартале» переписывал косноязычные, полуграмотные тезисы в стройные патриотические манифесты. Иногда, через третьи руки, он даже писал заготовки для речей министерских чиновников, которые без бумажки легко, не хуже среднестатистического пиндоса, да если ещё и с бодуна, могли спутать Австрию с Австралией, и составлял ура-отчеты о «прорывах в микроэлектронике», прекрасно зная, что весь «прорыв» заключается в переклеивании шильдиков на китайских платах. Его использовали, им вытирали ноги, его держали на коротком поводке, не позволяя подняться выше определенного уровня.

В какой-то момент Илья понял: это не просто конкуренция или невезение. Существует невидимый, но абсолютно непробиваемый стеклянный потолок. Своеобразный закрытый клуб, надгосударственная каста паразитов. Если ты не связан с ними узами кумовства, ритуального вранья или финансового криминала, если в твоей голове теплится хотя бы зачаток самостоятельной мысли — тебя никогда не подпустят к пультам управления дискурсом. Ты обречен до седых волос шестерить на подтанцовках у жирных, тупых ничтожеств, чья единственная заслуга — умение вовремя и глубоко лизнуть министерский зад. И теория заговора о тайном правительстве или глубинном государстве в ОВД Одинцово

обретала черты вполне конкретных фамилий из телефонной книги его главреда Саввы Альбертовича.

Их завели в дежурную часть. За высоким стеклянным барьером, похожим на аквариум для особо опасных приматов, сидел майор с лицом цвета вареной колбасы и лениво листал ленту коротких видеороликов в запрещенной соцсети через VPN. На стене над его головой висел обязательный портрет Первого Лица в позолоченной рамке, под которым криво примостился плакат: «Россия — страна возможностей».

— Да уж, бл@дь, тут любая дичь возможна, даже невозможная — цинично подумал про себя Илья.

— Что там у вас, Пахомов? — не поднимая глаз от экрана, спросил майор. На экране смартфона в этот момент какая-то девица в купальнике крутила бедрами под кавказский поп-хит.

— Провокация, товарищ майор! Чистая заказуха, — Пахомов вытянулся во фрунт, преданно заглядывая в аквариум. — Работали в паре. Вот этот, с бэджом — Илья Богданов, из пишущих. Пытался организовать дискредитацию Вооруженных сил и исполнительной власти на камеру. Орал, матом крыл руководство, призывал к насильственному свер-

жению из-за какого-то, якобы, беспилотника. Наводил панику среди отдыхающих граждан. А вот этот старик — соучастник. Выполнял роль наживки, документов нет, косит под невменяемого. Работали по заданию иностранных центров, сто процентов. Мы их прямо на горячем приняли.

Майор наконец оторвался от телефона, лениво перевел взгляд на Илью, затем на нищего.

— Беспилотник, говоришь? — майор хмыкнул, и в его глазах промелькнула сытая, циничная скука. — Богданов, ты вроде взрослый парень, в медиа работаешь. Должен понимать: если в сводках Минобороны беспилотника нет — значит, его нет в природе. А то, что у тебя над башкой летает — это, может, ворона перекормленная. Или каркас от теплицы ветром унесло. А ты панику сеешь. За это сейчас знаешь, как больно делают?

— Какая ворона?! — не выдержал Илья, чувствуя, как внутри закипает праведная ярость. — Она жужжала на весь район! Она на Капотню шла, на НПЗ! Вы тут сидите, жопы свои в тепле держите, пока страну по кускам растаскивают и жгут! Что я, не знаю?... Люди в приграничных областях в подвалах живут, пока вы тут в парках нищих прессуете ради галочки в отчете! У нас полстраны на трусы, носки и тепловизоры для солдат скидывается, последние копейки с пен-

сий отдают, а ваши начальники новые дворцы строят, а детки их, так и вовсе, за бугром замки возводят! Вам самим-то не тошно от этого цирка?!

Майор даже не изменился в лице. Он лишь вздохнул с видом учителя, слушающего дебильного ученика.

— О, Пахомов, пиши: «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, совмещенные с оскорблением представителей власти». Оформляйте в КАЗ (камеру административно задержанных) до утра. Завтра следователь из СК приедет, он у нас по «иноагентам» специализируется, быстро ему язык развяжет. Сдавайте вещи, ценности.

Нищий, всё это время стоявший за спиной Ильи молча и неподвижно, вдруг сделал полшага вперед. Железные наручники на его запястьях тихо звякнули. Он посмотрел на майора сквозь стекло аквариума, и на мгновение в дежурной части ОВД упало напряжение — люминесцентные лампы под потолком синхронно мигнули и жалобно затрещали.

— Ты судишь о возможностях страны по высоте заборов тех, кто тебя купил, майор, — тихо, но отчетливо произнес Старик. — Но забор не защитит, когда обрушится небо, которое они продали. Вы построили этот дом на лжи, и теперь

удивляетесь, что из крана течет кровь. Да и самому тебе носить погоны недолго осталось. Вот — до завтра... Не далее чем к полудню ты уже сдашь своё удостоверение и отправишься на свой дачный участок выращивать кабачки и пить водку.

Майор на секунду замер. Его колбасное лицо побледнело, он судорожно сглотнул, словно ему в горло вонзилась невидимая рыба кость. Какая-то глубинная, животная часть его ментовского естества, еще не до конца выжженная водкой и взятками, испуганно заскулила. Но приказ есть приказ, а инструкция — святыня.

— В камеру их, — сиплым, сорвавшимся голосом выдал майор, поспешно утыкаясь обратно в экран смартфона, где девица в купальнике продолжала свой бессмысленный, бесконечный танец.

Глава 4. Смена респондента

Плотный, глухой стук двери, обитой серым ведомственным пластиком, прозвучал как финальный аккорд в затянувшейся пьесе. Современный Левиафан не тратился на железный скрежет из прозы Солженицына — он предпочитал ев-

роремонт, скрытые петли и замки с электронными доводчиками. Сигнал на дежурке пискнул, подтверждая, что протокол изоляции выполнен успешно, и в камере административно задержанных ОВД воцарилась стерильная, хирургическая тишина.

Илья Богданов сидел на узкой антивандальной лавке из плотного композита, тупо глядя на свои туфли. Наручники с него сняли прямо перед КАЗом, во время личного досмотра в коридоре, но багровые, налитые кровью борозды на запястьях продолжали гореть так, словно металл всё еще въедался в кожу. Левое плечо, на которое пришелся основной вес сержанта Пахомова во время жесткого приема на газоне, ныло тупой, изнуряющей болью. В левом виске, куда прилетел ведомственный борец, пульсировала тяжелая гематома, отзываясь в ушах тонким, сухим писком. К горлу подкатывала легкая тошнота — верный маркер сотрясения мозга.

Камера жгла слизистую концентрированным хлорным раствором с привкусом дешевого жидкого мыла. Но хотя бы была чистой. Вычищенной от любой лихой романтики былых времен, даже никакой нацарапанной на стенах лагерной лирики. Безупречный серый керамогранит, монолитный унитаз из нержавеющей стали в углу и купольная камера под потолком, бесстрастно транслирующая серый куб в дежур-

ную часть. Эта стерильность давила сильнее любого сырого подвала. Она наглядно демонстрировала, что машина отлажена, сыта и работает без сбоев, поглощая человеческий материал гигиенично и строго по регламенту.

Илья понимал, что его карьера политического райтера обнулилась в ту секунду, когда майор за барьером продиктовал Пахомову фабулу рапорта. Дальнейшая жопа виднелась как на ладони... Савва Альбертович не станет разбираться в сортах парковой мистики. В холдинге «Медиа-FrontEra» алгоритм безопасности работал быстрее судебной системы: фамилия Богданова исчезнет из штатного расписания задним числом еще до того, как дежурный адвокат по назначению доедет до Одинцово. Завтра утром его пропуск заблокируют, а на карту упадет последний расчет по окладу. Шестьдесят тысяч рублей — цена за попытку на секунду открыть глаза.

Илья остался один на один с пустотой, которую сам же годами маскировал красивыми синонимами и эвфемизмами в аналитических лонгридах.

Старик сидел на противоположном конце композитной скамьи. В этом стерильном боксе его ветхий серый плащ, испачканный подсохшей грязью Мещерского парка, выглядел как артефакт, по ошибке забытый реквизиторами. Нищий сидел абсолютно прямо, положив освобожденные от железа

руки на колени. На его запястьях тоже темнели свежие следы от стали, но в его позе не было ни капли той сутулой, изломанной покорности, которая отличает завсегдатаев привокзальных площадей. Он смотрел спокойным, ровным взглядом, но Илье совершенно не хотелось затевать с ним беседу.

Нищий начал первым.

— Сильно болит? — негромко спросил, не поворачивая головы.

Голос его прозвучал без малейшего намёка на стресс и надрыв — в нем не было ни возрастной хрипоты, ни угодливых интонаций. Он был глубоким, матовым и чистым.

— Бывало и лучше, — буркнул Илья, аккуратно разминая затекшее плечо. — Спасибо вашему газонному перформансу. Если бы вы не решили устраивать хиповые посиделки посреди Одинцовского района!... А так...!!! Тааак... Всего лишь, моя жизнь только что превратилась в тыкву! Увольнение задним числом, блокировка пропуска и волчий билет во всех приличных медиа. Всё к кошачьим чертям. Я бы сейчас сдавал текст в редакции! Хотя не, вряд ли... Козёл-то этот всё равно не пришёл... Трусцой он, видите ли, по парку бегают, ценности демонстрирует... Что, мол, чем в Анталии

на побережье по бассейнам и СПА салонам, то здоровее и дешевле, мол, по отечественным паркам импортозамещать-ся... Да ещё и интервью, мол, совершенно случайно первому попавшемуся журналисту на бегу дал... Ага... Не дал! С бодуна х#р побегаешь, когда котелку «бо-бо»...

Старик слегка повернул голову. В его глазах, по цвету напоминавших грозное небо над осенней равниной, промелькнуло мимолетное любопытство.

— Стало быть, ты возлагал на некую встречу большие надежды, Илья. Что именно ты рассчитывал зафиксировать?

Богданов криво усмехнулся. Скрывать или выстраивать психологические баррикады уже не имело смысла — его социальный статус сгорел, как чучело Масленицы, уравнив его с этим бродягой. Злость на систему, которой он преданно служил, требовала выхода хотя бы в этой стерильной коробке.

— Я должен был зафиксировать новую реальность, отец. Ну, или её региональный аналог. У меня был назначен эксклюзив с Валерием Николаевичем — зампредом ведомства по импортозамещению смыслов. Человек-монолит. Архитектор нашей новой национальной скромности. Он должен был на камеру смартфона, типа для случайно подвернувше-

гося блогера, в спортивном костюме цветов государственно-го флага рассуждать о том, почему европейская сытость — это тупик, а наш удел — это духовная аскеза, очищение трудностями и консолидация вокруг традиционных ценностей. Двухчасовой манифест под онлайн статью с видео отрывками для федеральных инфо-каналов на фоне парковых пейзажей. Мой персональный пропуск в пул администрации.

— И монолит не пришел? — тихо уточнил старик.

— Монолит ушел в пике, — Илья горько сплюнул на серый керамогранит. — Помощник по телефону нес пургу про экстренное совещание, а телки из агентства уже выложили в закрытые каналы обезличенные сторис. Но и без имен все понятно... Валерий Николаевич третьи сутки без просыху гуляет на ведомственной даче. Кокаин, три элитные ботексные шляхи, беспамятный угар под караоке. Они там жрут в три горла, пока страна затягивает пояса по их же чертежам. Им плевать на свои собственные манифесты, плевать на летящие беспилотники, плевать на меня и на всю эту духовность, которую они продают населению, как лежалый товар. Они построили для себя отдельный, закрытый рай за заборами, а мы для них — просто текстовый шум, который обслуживает их кассу. И самое смешное, отец... Мляяяяяяя... Я бы написал этот текст. Я бы вылизал каждую его цитату про аскезу до зеркального блеска, чтобы получить этот чер-

тов шанс на левел-ап. Вот в чем настоящая грязь, а вовсе не в том газоне.

Илья замолчал, чувствуя, как внутри оседает ядовитый туман собственной беспомощности. В камере воцарилась тяжелая, плотная тишина. Светодиодная панель над головой горела ровно, без звука, лишая пространство малейшего намека на живое время.

Старик долго смотрел на журналиста. В его взгляде не было ни жалости, ни торжества — только некое бездонное понимание, то ли ситуации, то ли и вовсе — самой природы человеческого компромисса. Так смотрят на чертеж сложного механизма, который пользователи умудрились приспособить для колки орехов. Наконец он медленно расправил плечи, и в этом движении появилось нечто такое, от чего Илья непроизвольно подобрался.

— Стало быть, твой монолит выбрал иную компанию, — негромко произнес нищий, фиксируя взгляд Ильи своими грозowymi глазами. — И пространство твоего глянцевого обмана осталось пустым. Что ж, Илья... Раз ты от своего монолита ответов так и не дождался, а душа требует компенсации, может, я на что сгожусь? — тихо, но с какой-то железной, непреклонной плотностью произнес нищий.

Нет, это не было похоже на издевку. Да любой актер позаиводовал бы такой убедительной реплике. Да сам Станиславский бы поверил! Он это нес на полном серьезе. И продолжал, развивая мысль.

— Твой блокнот пуст, прежний мир обнулится. «Чертов шанс на левел-ап», говоришь? А божественный, не подойдет? А что если судьба тебя вовсе не бьет, но напротив, благоволит тебе. Ты жаждал ответов? А ну как у меня найдутся ответы вообще на все твои вопросы? Подумай об этом. Да и камера – куда более экстравагантное место для эксклюзивных откровений, чем какой-то там парк. Авось на Пулитцеровскую премию такое интервью потянет, если на английский переведешь... Как считаешь? Раз уж твой блокнот остался чистым — давай перевернем страницу. Напиши обо мне. Возьми интервью у меня. Здесь, прямо в этой камере.

Глава 5. Расследование в закрытом контуре

Провокация удалась. Словосочетание «Пулитцеровская премия», прозвучавшее под массивными сводами Одинцовского КАЗ из уст нищего, подействовало на Илью как укол чистого адреналина. Мистический туман, нагнавший на него

жути в автозаке, мгновенно рассеялся, уступив место профессиональной паранойе. В голове райтера, годами препариовавшего чужие медиа-кампании, со свистом завертелись шестеренки циничного рацио.

«Так, стоп. Какая, к черту, премия? Откуда этот дед вообще знает такие термины? И откуда эта театральная, мхатовская подача?» — Илья прищурился, лихорадочно выстраивая логическую цепочку. Картинка начала складываться в уродливый, но предельно понятный пазл. Перед ним сидел никакой не святой старец и не городской сумасшедший. Это был актер. Дорогая, ювелирно просчитанная подстава. Возможно, Савва Альбертович решил устроить ему финальный тест на лояльность, а может, это глубокая разработка какого-нибудь «Комитета по Охране Дискурса», решившего слить холдинг «Медиа-FrontEra» через управляемую провокацию.

Илья полез в карман брюк, куда сотрудники во время шмона поленились заглянуть глубоко, и нащупал там старый, чудом уцелевший репортерский блокнот-малыш и огрызок карандаша ИКЕА, завалившиеся там со времен до-санкционных поездок. Старик что-то говорил про оставшийся пустым блокнот — забавно, как в воду глядел... Мобильный телефон и диктофон остались в «аквариуме» у дежурного майора, но профессиональный инстинкт, спавший под

толстым слоем лояльного конформизма, вдруг проснулся и затребовал реванша. Если его карьере всё равно белый и пушистый зверь, если завтра его упакуют по статье за экстремизм, а может и того хуже, то он хотя бы сделает то, ради чего шел на журфак — запишет правду, пусть и в малюсенький карманный блокнот.

Он вытащил эти убогие инструменты некогда великой профессии. Короткая деревянная палочка с полузатертым логотипом шведского мебельного гиганта выглядела в этом сером керамогранитном помещении как осколок погибшей, более развитой цивилизации. Цивилизации, где люди собирали шкафы по понятным инструкциям, а не клеили патристические шильдики на чужие смыслы. Илья с треском раскрыл блокнот на первой чистой странице, с силой прижал грифель к бумаге, оставив жирную черную точку, и жестко посмотрел старику прямо в его грозные глаза.

— Ладно. Давай поиграем в прессу, раз уж у нас дедлайн отменился. Будем считать это моим эксклюзивным интервью с Главным Экстремистом Одинцовского Района. Кто ты такой на самом деле? Только давай без метафор про «записанные имена». Чей ты проект? Чьи гранты? Может, ты из староверов каких? Или это перформанс художников-акционистов против застройки парка?

Старик не шелохнулся. Огрызок карандаша в руке Ильи не произвел на него никакого впечатления, словно это был не инструмент фиксации реальности, возомнивший себя волшебной палочкой, а обломанный кончик обычной сухой ветки. Он продолжал сидеть с той же невыносимой, царственной прямоотой, и углы его губ трогала едва заметная, сострадательная усмешка.

— Ты ищешь бенефициара, Илья, — тихо произнес он, и в его голосе снова послышалась та странная, объемная глубина, которую Богданов так отчаянно пытался списать на сотрясение мозга. — Твой ум обучен искать за каждым словом чужой бюджет, тайный циркуляр или волю куратора. Ты не веришь, что у весеннего грома может не быть спонсора.

— Спонсор есть всегда, отец, — отрезал Илья, быстро стенографируя собственные вопросы, чтобы удержать ускользающее ощущение контроля. — В нашей экосистеме даже птицы бесплатно не гадят на министерские крыши. Твое появление на газоне именно в ту секунду, когда над парком шел беспилотник, и именно в пяти метрах от моей скамьи — это не совпадение. Слишком жирный тайминг для слепой случайности. Тебя вели по геолокации? В плаще защит трекер? Кто слил тебе маршрут Валерия Николаевича? На кого ты работаешь — на либеральное крыло башни, которое хочет подсидеть министерских, или на зарубежные фонды?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.